

Дети войны

Цикл рассказов

Обнаружили раненого партизана

Я обычный беззаботный мальчишка, живущий в мирное и счастливое время. Но о войне знаю, ведь горе и беда тех лет коснулись и моих родных. Эту историю мне рассказала моя бабушка, а ей - ее мама. Звали ей1 Варвара. Жили родственники в Украине, в селе Кейбаловка Полтавской области. Когда немцы захватили территорию Полтавы, моей прабабушке Варя было всего 14 лет. Наступили страшные времена. Соседнюю деревню фашисты сожгли вместе с ее жителями. Масштабы трагедии были просто ужасны.

За два года и пять дней немецкой оккупации Полтава потеряла тысячи своих жителей. Кроме того из области вывезли на каторжные работы в Германию более 20 тысяч здоровых юношей и девушек. Так увезли и сестру моей прабабушки. А саму Варю не забрали, потому что немцы увидели шрам на ноге от ожога, а такие отбор в Германию не проходили. Так и осталась Варя с родителями – папой Ефимом и мамой Прасковьей – в оккупированном селе. Фашисты не считались с местными жителями: отбирали еду, обворовывали дома. И вот тогда в это тяжелое время, в лесах по всей Полтаве стали появляться партизанские отряды, которые затем оказали большую помощь советским войскам.

Однажды родители моей прабабушки поплыли по реке собирать камыш и хворост и в зарослях обнаружили раненого партизана. У него было серьезное повреждение ноги, он совсем не мог двигаться. Тогда Прасковья оторвала от своей юбки кусок ткани и перевязала его рану. Стояли уже холода, был ноябрь месяц. Чтобы раненый не замерз, мой прапрадед Ефим вместе с прапрабабушкой соорудили в лесу из камыша для него шалаш. Каждый вечер, как стемнеет, они садились в лодку и плыли к раненному, привозили еду, лечили травами и мазями. Наступил декабрь, оставаться в лесу было невозможно. Тогда они приняли решение перевезти тайком партизана к себе в хату. Уложили его в лодку, прикрыли хворостом и доставили, а в доме спрятали на чердаке.

Обнаружили раненного партизана

Солдат пробыл у них больше двух недель. Фашисты каждый день заходили в дом и обыскивали, но на чердак чудом никогда не поднимались. Когда я спросил у бабушки, как они не боялись скрывать такую находку, она ответила: «Страха не было. У всех была только одна цель – победить». Затем прапрадед Ефим повстречал в лесу целый отряд партизан и рассказал им о раненном товарище. Они уже считали его погибшим. Той же ночью солдата забрали.

Вот такая история о войне. Я буду всегда помнить это, гордиться своими бесстрашными родными, учиться у них любви к Родине, смелости и трудолюбию.

Никита Колчин,

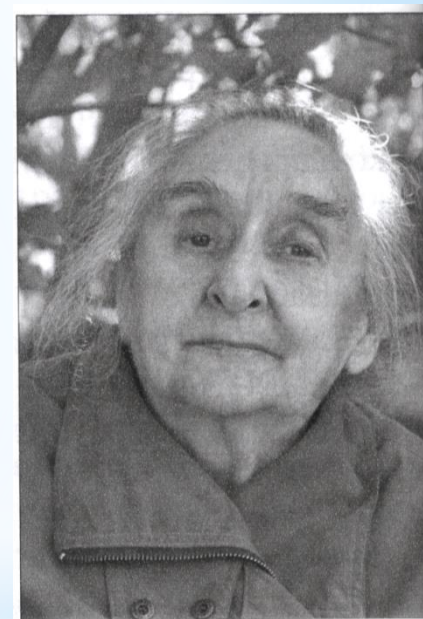
Ученик 4 класса Рождественской СОШ

Приходилось трудиться от зари до зари

Наталья Петровна Тюрина – дочь преподавателя биологии Павловской школы Петра Сергеевича Тюрина. Мама – Зинаида Ивановна Тюрина – также преподавала в школе. Когда началась война, Наталье было 11 лет. Рассказывая о своем детстве, Наталья Петровна вспоминала начало военного периода, тепло говорила о своих родителях, которые уберегли ее от бомбежек, отправив к брату отца в Костромскую область, где не было фашистов. Несмотря на то, что сверху не сыпались бомбы, и не долетали снаряды, всем детям приходилось трудиться от зари и до зари на колхозных полях, независимо от возраста. Наташа получила серп, ей показали, как жать лен, и каждый день она должна была сжать сою бесконечную полоску, выполняя норму. Все работы выполнялись вручную: жатва, теребление, отбивка. Этими работами занимались девочки, а мальчики возили лен на лошадях, все взрослые женщины были на лесоповале и торфоразработках. Мама работала в школе, было относительно легче, чем большинству, так как не заботились об отоплении.

В школе ребят, которые жили за 6-7 километров, кормили жиденьким овсяным киселем и молоком с колхозной фермы. Наталья Петровна тепло вспоминала, как однажды в поселке появился раненный на фронте солдат – артист из Ленинграда Андрей Суворов. Он много занимался со школьниками: готовил постановки и выступал со спектаклями перед колхозниками на фермах и собраниях. В Павловскую Слободу семья вернулась в конце войны. После школы Наталья окончила педагогический институт и до выхода на пенсию проработала психологом в нахабинском гарнизоне.

*Наталья Петровна
Тюрина*

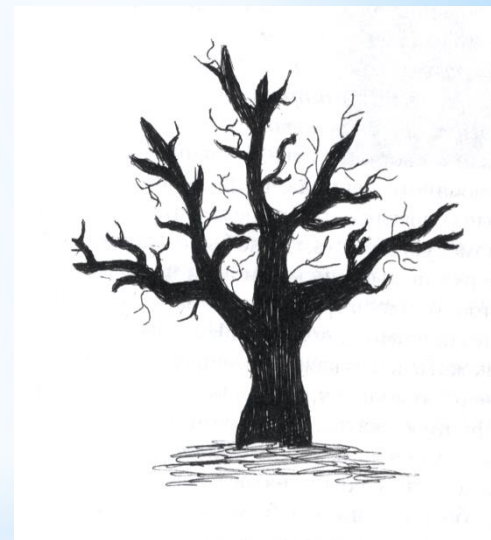
Александр Николаевич Гольцев,
Методист Павло-Слободского КДК

«Здесь, в тылу, можно и потерпеть»

Сестра моей бабушки, Тамара Алексеевна Равняличева, родилась в деревне Новинки, что недалеко от Павловской Слободы, в семье крестьян-колхозников. Родители Тамары – Алексей Степанович и Нина Осиповна – воспитывали еще четверых детей: Веру, Клавдию, Евгения и Надежду. Все жители большой дружной семьей в красивом доме с резными наличниками, который стоял в начале деревни, вместе с дедом Степаном Степановичем и бабушкой Екатериной Емельяновой.

Когда началась война, Тамаре было 12 лет. Отца, как и всех мужчин из деревни, призвали в армию, в Новинках остались лишь старики, женщины да дети. Начались дни суровых испытаний, особенно непросто было с продуктами. Продуктовых карточек деревенским жителям не полагалось – считалось, что у каждой семьи есть приусадебный участок, и колхозники могут прокормить себя сами. В огороде сажали картошку, капусту, брюкву – этим и питались. Капусту засаливали в двух больших бочках : «белую» и «серую».

Осенью 1941 года фронт вплотную подошел к Павловской Слободе – фашисты уже заняли Чесноково, Обушково и Юрьево – это всего в десяти километрах от Новинки. Начались частые воздушные налеты – немецкая авиация бомбила Москву и фронтовые части. Для укрытия во время воздушных тревог жители выкопали на колхозном поле за деревней большие землянки – пока шли боевые действия, многие так и жили, опасаясь, что деревню тоже будут бомбить. Тамара хорошо помнила, как ночью они с остальными детьми смотрели из землянок в небо, перекрещенное лучами прожекторов, как попадал иногда в перекрестье ненавистный вражеский самолет, как он загорался и падал, сбитый нашими отважными зенитчиками. Тогда же в деревне расквартировали части 108-й стрелковой дивизии: в доме семьи Равняличевых разместились командиры и штаб, в остальных – рядовые бойцы.

«Здесь, в тылу, можно и потерпеть»

Тамара со старшими сестрами, матерью и дедом выкопали в огороде землянку, положив сверху один накат бревен – там и стали жить. Бои шли непрерывные. За крайними деревенскими домами и находилась батарея «Катюш» - реактивных минометов, и когда они начинали обстреливать немецкие позиции и над крышами изб проносились в воздухе огненные ревущие «хвосты», сердце уходило в пятки от страха. В один из дней деревня стремительно опустела: всех командиров и красноармейцев подняли по тревоге ловить диверсионную группу противника. Оказалось, что немцы выбросили в тыл нашей армии парашютистов, которые приземлились в лесу между Новинками и Веледниково. Ликвидация группы прошла успешно.

Приходилось многих хоронить. В Новинки, как в ближайшую тыловую деревню, свозили погибших в боях и умерших от ран в медсанбате солдат. Братские могилы делали в двух местах: за крайними домами, стоящими примерно посередине деревни, и в лесу возле железнодорожной станции Озерки. Потом, спустя много лет, останки бойцов торжественно перенесли и захоронили в Павловской Слободе. У кого-то даже нашли капсулы с анкетами и сообщили родным.

В военную пору дети начинали работать с 14 лет, поэтому в 1943 году Тамара начала свою трудовую деятельность. За ней был закреплен бычок Слава, она должна была его кормить, поить и пахать на нем. Всех колхозных лошадей мобилизовали в армию. Славе такое занятие было не по нраву. Сначала Тамара пробовала вести его по полю за собой на узде, в за плугом стояла подруга – но Слава ни за что не хотел тянуть плуг. Тогда подростки впрягались в плуг сами и принимались пахать колхозное поле, чтобы засеять пшеницу. Поняв, что бычок в пахари не годится, бригадир определили их возить обмолоченное зерно на пункт сдачи, который находился в Нахабине. Так Тамара стала совершать почти ежедневные рейсы туда и обратно, возя пшеницу для фронта. И ведь никогда не возникало мысли отсыпать себе хотя бы горстку зерна – все понимали эта пшеница нужна для фронта – а здесь в тылу, можно и потерпеть.

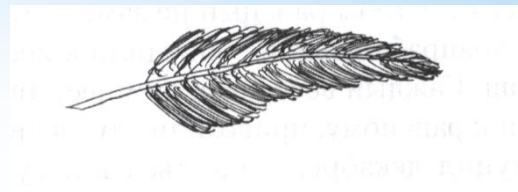

*Тамара Алексеевна Равняличева
(на переднем плане справа). 1938 год*

«Здесь, в тылу, можно и потерпеть»

Одним холодным ноябрьским днем Тамара поехала в Нахабино по проторенной тропинке, идущей вдоль озера. В одном из них, носившем название Питьево, вся деревня брала воду. Бык Слава, упрямо тащивший подводу с зерном, вдруг захотел напиться и свернул с дороги к озеру, но тут же подвода провалилась в глубокую лужу и увязла. Бык встал на месте и никакие окрики не могли заставить его идти дальше. Тогда девушка прыгнула с подводы в лужу, подошла к быку, и глядя его по морде, заговорила: «Славик, миленький, давай постарайся! Я промокла, заболею, простужусь, а зерно везти все равно надо. Ну, пожалуйста!» Бык недовольно тряхнул ушами, помотал головой, фыркнул, а затем рывком вытащил подводу из лужи и без остановки пошел дальше.

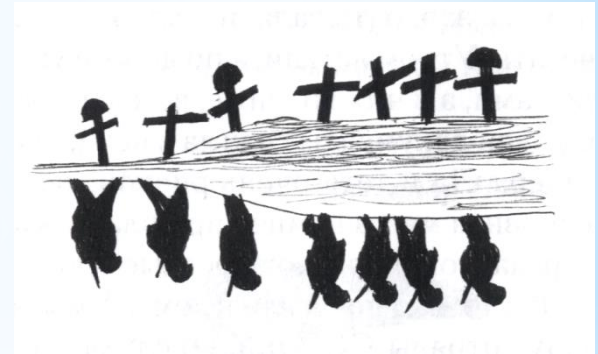
В 1942 году в семье Равняличевых случилось первое горе – умерла маленькая Галя, племянница Тамары, дочка старшей сестры Веры. Ей было всего два месяца. А сама Вера умерла в январе следующего года от воспаления легких, которым заболела, когда студенческом строительном отряде работала на постройке оборонительных сооружений. Родные были поражены этими потерями, но и они стали не последними. Клавдия, еще одна сестра Тамары, тоже была студенткой техникума, и тоже, будучи в стройотряде, простудилась и заболела воспалением легких. Она умерла в апреле того же 1943 года. Кто-то из деревенских жителей сделал гробы, Степан Степанович по православной традиции сам читал над умершими внучками Псалтирь. На поминальную трапезу даже испекли блины из овса. Трудное было время.

«Здесь, в тылу, можно и потерпеть»

Отец Тамары – Алексей Степанович – Воевал рядовым командиром отделения в 171-м стрелковом полку 182-й стрелковой дивизии на 2-м Прибалтийском фронте. С фронта писал трогательные письма семье, переживал, утешал детей. А в апреле 1944 года Равняличевым пришло письмо от его друга. Тот писал, что Алексей Степанович погиб в бою 23 марта при форсировании реки Великой. Отец умер на руках боевого товарища, и тот обещал в следующем письме описать обстоятельства гибели. В письмо были вложены фотографии Нины Осиповны и детей, пробитые пулей. Однако следующего письма от друга Алексея Степановича не пришло – скорее всего, он тоже погиб, защищая Родину.

В день, когда сообщили о Победе, Равняличевы красили новый забор. Весть о великом событии сразу облетела всю деревню. Люди плакали – кто от радости, а кто от того, что не могут разделить ее с уже ушедшими в иной мир родными и дорогими людьми. Но впереди была еще целая жизнь, и Тамара решила прожить ее достойно памяти отца, сестер и всех тех, кто не пожалел своей жизни в борьбе с фашистскими захватчиками. Тамара Алексеевна всю жизнь трудилась на фабрике клавишных музыкальных инструментов «Заря» в поселке Правдинский Московской области.

Роман Сергеевич Чикин,
житель города Москва

«Из самолетов расстреливали людей»

Когда началась война, мне было 7 лет. Все уехали, как тогда говорили, «за Дон», а мы остались в родном селе Красное Уколовского района Воронежской области. Затем мама погрузила свой скраб, взяв с собой корову, и мы поехали по дороге на Острогорск Воронежской (ныне Белгородской) области. Две лошади были запряжены, а три бежали за нами следом. Большой поток беженцев, гражданских и военных направлялся в сторону Дона. Началась бомбежка, из самолетов расстреливали людей.

Доехали мы до хутора Новый путь, в котором жила моя тетя с пятью детьми. Остановились передохнуть у нее. Только уселись за стол вокруг миски с крошкой, за окном раздался сильный взрыв, посыпались стекла. Выбежали и увидели, что зажигательный снаряд попал в сарай с нашими лошадьми и скрабом – все сгорело, лошади разбежались. Оставшееся перенесли в погреб, особенно ценным была швейная машинка «Зингер» – мама зарабатывала на хлеб шитьем. Решили остаться ночевать. Утром встали, а по дороге уже катят мотоциклы с колясками, а в них холеные, веселые фашисты.

Мама сразу свои документы сожгла в печи, она же жена политрука, офицера. Да и тетя очень рисковала, приняв нас к себе. Когда основная масса немцев прошла через хутор в сторону Сталинграда, пошли разношерстные бригады: и поляки и итальянцы. Эти только ночевали в доме. А мы все очень боялись, что придут отряды СС. Они, по слухам, никого не щадили. Однажды во время еды снова начались взрывы, тетя перевела нас из сеней в погреб, а когда все закончилось, мы вышли из подпола, в сенях лежала не взорвавшаяся бомба. Вот так нам повезло.

Юлия Ивановна
Степанова

«Из самолетов расстреливали людей»

Все время я наблюдала за немцами. Один раз видела, как они с голоду ели сырое мясо убитых коней. Когда немцев погнали обратно на запад, они были совсем плохие, все помороженные. Одежду снимали со своих же убитых товарищей, оставляя их трупы голыми на дороге. Со дня на день мы ждали наших бойцов. В один день услышали стук в дверь: обрадовались, думали наши, а это немцы-мародеры. У них груженные подводы со всяким скрабом. Переночевали, а утром следующего дня в деревню уже въехали танки со звездами. Немцы дали деру, но их всех поймали. Вот так 18 января 1943 года нас освободили.

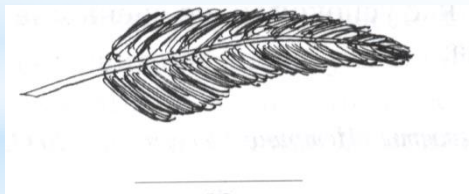
Летом того же года пришлось хоронить трупы, мальчишки вилами грузили их. Запах стоял невыносимый, ничего не спасало. Затем решили вернуться в районный центр, там я пошла в школу. Писала чернилами из сажи, кто на газетах старых, кто на дощечках. Мама устроилась на работу в библиотеку. Когда пришла весть о победе, ликование было повсеместное. Из армии вернулся отец, его назначили председателем колхоза. В 1947 году начался голод и засуха, мы переехали на Кубань. После школы я поступила в Тимирязевский институт, окончила его. Затем родила двух дочерей, уже и внуки есть давно.

Юлия Ивановна Степанова

Жительница села Павловская Слобода

Воспоминания записал

Александр Николаевич Гольцев

«Мы не знали, что такое игрушки»

Я родилась в 1938 году в городе Тушино (ныне район Москвы), сейчас живу в Павловской Слободе. Перед войной отец трудился на авиационном заводе имени Сталина, и когда началась Великая Отечественная, завод эвакуировали в Иркутск. Мне было два с половиной года, но я все отчетливо помню. Отец – Александр Дмитриевич – забрал с собой всю семью, мы долго-долго ехали. Теплушка наша не отправлялась, пока немцев не отогнали от Москвы: нас посадили в поезд в ноябре, а отправились в путь в декабре. Фактически люди месяц жили в вагонах. Мама – Анна Константиновна – говорила, что надо вернуться, но из теплушек никого не выпускали. Так мы оказались в Иркутске.

Нас поселили в бараки, где было много соседей. Семья наша тоже была большая: папа, мама, я, сестры и родители отца. Отца с матерью поместили в один барак, а нас – в другой. Папу дома я вообще не видела, он постоянно находился на работе. Отдыхал он мало: два часа полежит, и снова на работу. Уже там в нашей семье родилось еще двое детей: Витя и Женя. Когда мне было три с половиной, мама была вынуждена оставлять брата со мной. Я его качаю, качаю, а он плачет – есть хочет. Я устала качать, легла на кровать и стала толкать колыбель ногами. И она перевернулась. Маленький плачет, я плачу! Прибежали соседи, нас успокоили, но очень мне было жалко, что я брата уронила.

После приезда у нас была только одна корзинка с немногими вещами, ведь нам обещали ненадолго. Ни надеть нечего, ни обувь, а приехали в разгар зимы. Бараки стояли на окраине тайги, место называется «Авиационный городок». Неподалеку был мост через Ангару. Оказалось, в этих бараках раньше жили заключенные. Маму я тоже видела редко, она старалась достать еду. Помню, как сутки не ела, ничего не было. Вот это мне запомнилось невыносимо как! А мама меня все уговаривала: «Сейчас папа придет, хлебушка тебе принесет» Я по улице хожу, жду папу. Идет, и ничего у него нет. А мы совсем изголодавшиеся были. Я заплакала. Отец спросил у матери, почему я плачу, а та ответила, что я сутки не ела и ждала его с хлебом. А еще как-то раз мы с мамой разделили хлеб, всем поровну. Свой съели и стали потихоньку отрезать от папиного. И все съели. Мама заплакала и я вместе с ней. Отец приходит, спрашивает: «Чего опять плачете?» А мы говорим, что съели его хлеб. Папа сказал: «Ну и ладно», и выпил только кружку воды.

*Нина Александровна
Леягина*

«Мы не знали, что такое игрушки»

Отапливать дом было нечем. Мужчины ходили добывать уголь в шахту. Отдыхали мало, всего несколько часов проводили дома. Детская память запечатлела, как удивительно блестел уголь – антрацит, как топили печку докрасна, а в углах комнаты лежал снег. Было холодно, из-за отсутствия обуви дети зимой вообще на улицу не выходили. Отец, получив новые рукавицы, отдавал их маме, а та шила из них одежду.

Потом семью нашу переселили в другой барак, на горе, куда вела мощеная дорога, «как на Красной площади», говорили. Воду давали по часам, а в доме было всего одно ведро. Наберешь это ведро, а дальше как хочешь – все равно наливать не во что. Иногда мать вместо хлеба получала рыбу. Благо, река рядом. Рыбу давали хорошую: кета, омуль. Однажды мы наелись рыбы, все пить хотим. Так всю воду и выпили. Среди ночи отец взял ведро и пошел за водой: спать ему было некогда.

Сейчас внуки спрашивают, какие у меня были куклы, а я отвечаю: «Никаких». Мы не знали, что такое игрушки. Хотя моя мама упоминала, что в Тушине до войны у меня была кукла, но с собой мы ее тогда не взяли, а больше ничего и не было, ни у меня, ни у братьев.

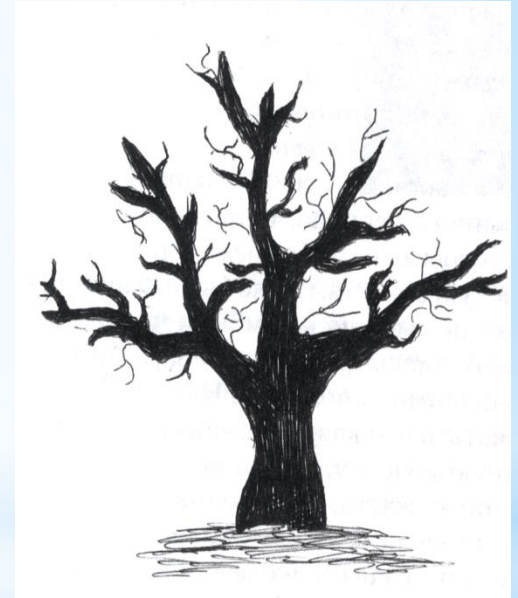
В Москву без вызова вернуться не могли. Моя Бабушка – Анна Алексеевна Мачулина – дала вызов только после окончания войны, и 1 апреля 1946 года семья вернулась домой. К этому времени папа имел право на отпуск, но не смог оставить свою сестру одну и сказал, что приедет в июне. Тут пришла новость: завод остается в Иркутске, обратно в Москву возвращать не будут и работников. Личные документы не отдали, пообещав жилье. Но глава семейства, к тому времени награжденный Орденом Трудового Красного знамени, в Москву приехал без документов и обратно не вернулся.

«Мы не знали, что такое игрушки»

Жили мы у бабушки в деревне Лобаново. Недолгое время отец проработал на базе № 38 трактористом и преждевременно скончался от скоротечного сахарного диабета в неполные 35 лет. Мама, оставшись в 29 лет вдовой, тянула троих ребятишек. Работала на той же базе, в Павловской Слободе. А мы, дети помогали бабушке в огороде, который нас и кормил. Деда – Константина Филипповича Мачулина – в 1937 году арестовали, как врага народа. И только в конце 1975 года семья узнала, что его увезли в Уссурийский край, где он год спустя умер.

По окончании 7 класса я устроилась на работу в войсковую часть, но продолжала заниматься в вечерней школе, окончила 10 классов. Как передовую комсомолку меня направили работать в построенный детский сад. Вскоре поступила на вечернее отделение педучилища, продолжала работать в саду, где спустя двадцать лет завершила работу в должности заведующей. Далее восемь лет отдала деткам начальной школы. У меня трое детей и трое внуков.

Нина Александровна Леягина,
жительница села Павловская Слобода

Воспоминания записала
Ольга Николаевна Маркусь

О войне

Когда Германия на нас напала,
Четыре года было мне тогда.
В ту пору я еще не понимала,
Что страшная нагрянула беда.
Но помню я отчетливо бомбежки,
Немецких самолетов страшный вой.
Как мы в укрытие бежали по дорожке.
И думали, вернемся ли домой.
Я помню, как сирены завывали,
Как шли солдаты на смертельный бой.
А мы посреди улицы стояли,
Смотря на свет пожарищ за рекой.
Рвались снаряды, танки грохотали.
Земля горела под ногами у солдат,
А мы в окопчике, дрожа, лежали,
И мать к себе нас прижимала, как котят.
Как мирно до войны мы поживали!
Всем война нарушила покой.
Я помню, как отца мы провожали,
Молила Бога чтоб вернулся он живой.
И сколько ж наши люди пережили!
И сколько им пришлось страдать, теперь!
А вот за то, что с нами сотворили,
Фашистов бы с лица земли стереть.

*Выставка подготовлена с
с использованием материалов Сергея
Юрьевича Мамаева, Александра Гольцева,
Егора Комолова.*

*С Уважением,
Архивный отдел управления делами администрации г. о.
Истра*